

УДК 81.37

Магистерская программа «Лингвокриминалистика»: в поисках баланса между фундаментальным и прикладным

С. В. Малых, М. Б. Ташлыкова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Свобода законотворческой деятельности субъектов Российской Федерации, увеличение индивидуальной социальной и коммерческой активности граждан, частных юридических лиц, свобода слова в средствах массовой информации, рост количества экстремистских проявлений и другие современные социальные процессы сформировали ситуацию, в которой источником конфликта может явиться *речевое поведение, характер коммуникативного взаимодействия, текст*. Для производства лингвистической экспертизы продуктов речевой деятельности требуются высококвалифицированные специалисты, способные решать самый широкий круг проблем, возникающих в области взаимодействия языка и права. Подготовка таких специалистов составляет цель магистерской программы «Лингвокриминалистика». В статье предложена краткая характеристика объектов лингвистической экспертизы; рассмотрены экспертные кейсы, связанные с анализом креолизованных текстов и просодического уровня звучащей речи; сформулированы основные требования к лингвисту-эксперту, которые определяют структуру и содержание образовательной программы.

Ключевые слова: лингвокриминалистика, лингвистическая экспертиза, креолизованный текст, мультимодальный дискурс, просодический уровень звучащей речи.

Лингвистическая экспертиза как сфера прикладного языкознания активно развивается начиная с 90-х гг. XX в., что в значительной мере обусловлено внешними для лингвистики обстоятельствами – в частности, теми процессами, которые происходят в современном российском обществе.

«Видимо, далеко не случайно в российском судопроизводстве сегодня возникает значительное количество дел, где текст на русском языке приобретает важное, если не основное, доказательственное значение.

...Множащиеся судебные иски по защите чести, достоинства и деловой репутации, авторских прав, борьба с плагиатом и контрафактной печатной продукцией, уголовное преследование за оскорбления и клевету, возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды... в свете законодательства по противодействию экстремизму и терроризму, борьба с “черным пиаром” в период выборов в органы законодательной и исполнительной власти разных уровней – все это де-факто привело к возникновению нового направления судебно-экспертной деятельности, которое на практике получило наименование “лингвистическая экспертиза”. **Именно результат речевой деятельности – речевое произведение – является основным объектом судебно-**

лингвистической экспертизы и криминалистического исследования, непосредственно подвергается правовой квалификации для установления факта правонарушения» (здесь и далее выделено авт. – М. Т., С. М.) [3, с. 10].

«Лингвистическая экспертиза – это прикладное направление со специфическими целями и задачами, аналитическими процедурами и результатами, где достижения разных наук о языке и речевой коммуникации поставлены на службу правосудию. Конечная цель лингвистической экспертизы... состоит в обеспечении адекватного судебного решения по таким делам, где основной или единственный состав преступления заключается в речевом проступке, в создании и распространении некоторых типов текстов, а также в их воздействии на конкретного адресата, на целевую или массовую аудиторию» [7, с. 69].

«Лингвистический анализ содержательно-смысловой и формальной стороны речевого произведения является основным способом выявления словесных конструкций и языковых единиц, подпадающих под признаки конкретного преступного деяния, предусмотренного соответствующей законодательной нормой. **Существенно, что никаких других источников доказательств по делам таких категорий, как правило, не существует»** [3, с. 10–11].

Из приведенных высказываний следует, что лингвист, производящий экспертное исследование, должен в полной мере осознавать ответственность за его точность и достоверность, отчетливо представлять пределы своей компетенции и – главное – уметь адекватно применять те «специальные познания», к которым апеллируют юридические инстанции, назначая лингвистическую экспертизу.

К настоящему времени в теории лингвистических экспертиз выделены и осмыслены основные проблемные зоны, находящиеся на стыке языкознания и права, определены методологические принципы осуществления экспертного исследования и разработаны конкретные методики, описаны некоторые фрагменты лексической системы, потенциально угрожающие «лингвистической безопасности», очерчен круг тех аспектов теории языка, которые обеспечивают исследователя лингвистическим инструментарием, необходимым в экспертной деятельности [1; 3; 4; 5; 9; 10; 11 и др.].

Тем не менее подготовка экспертного заключения каждый раз требует решения целого ряда чрезвычайно непростых и, как правило, очень разнородных задач. Для производства лингвистической экспертизы продуктов речевой деятельности требуются высококвалифицированные специалисты, способные решать самый широкий круг проблем, возникающих в области взаимодействия языка и права. Подготовка таких специалистов составляет цель и миссию магистерской программы «Лингвокриминалистика».

Несколько огрубляя, можно сказать, что потребность в лингвистической экспертизе возникает в трех типах случаев.

Первая ситуация связана с необходимостью анализа спорных текстов, вовлеченных в юридическую сферу (договоров, приказов, инструкций и т. п.), и обусловлена, как правило, неоднозначностью понимания тех или иных слов, конструкций, высказываний. Эта ситуация хорошо описывается знаменитой фразой *Казнить нельзя помиловать*.

Во второй группе случаев лингвистическая экспертиза позволяет найти и интерпретировать специфические «следы преступления», которые обнаруживаются в составе устного или письменного текста, в характере коммуникативного взаимодействия, в распределении коммуникативных ролей, в выборе дискурсивных стратегий и тактик. Анализ таких «речевых следов» дает возможность составить предположение о личности правонарушителя, выявить наличие преступного умысла, установить инициатора действий и т. д. и т. п.

Третий тип ситуаций связан с необходимостью анализа текстов, содержание которых само по себе образует состав преступления. Это спорные речевые произведения, которые подлежат лингвоэкспертному исследованию:

– в связи с уголовными делами по обвинению в оскорблении, неуважении к суду, оскорблении представителя власти (ст. 130 УК РФ (и заменившая ее ст. 5.61 КоАП), 297, 319 УК РФ); в связи с гражданскими делами о защите чести, достоинства и деловой репутации и компенсации морального вреда (ст. 151, 152 ГК РФ);

– в связи с уголовными делами по обвинению в экстремистской деятельности, а также по обвинению в возбуждении расовой, религиозной, национальной и социальной ненависти и вражды (ст. 205-2, 280, 282 УК РФ);

– в связи с наличием признаков нарушения Федерального закона «О рекламе» от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ;

– в связи с необходимостью установить тождество товарных знаков или их сходство до степени смешения (Закон РФ № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» от 23 сентября 1992 г. с изменениями и дополнениями, внесенными Федеральным законом № 166-ФЗ от 11 декабря 2002 г.; с 1 января 2008 г. – ч. IV ГК РФ);

– в связи с необходимостью выявить наличие/отсутствие признаков провокации, подстрекательства к совершению преступления со стороны сотрудников правоохранительных органов или лиц, привлеченных для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»);

– в связи с необходимостью выявить наличие/отсутствие признаков пропаганды наркотических средств и психотропных веществ (ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ, ред. от 3 июля 2016 г., запрещающая пропаганду в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»).

Производство лингвистических экспертиз, назначаемых для анализа устных и письменных текстов, форма и содержание которых подпадают под признаки преступного деяния, предусмотренного той или иной законодательной нормой, требует от специалиста владения самыми современными методами, используемыми в гуманитарных науках, знакомства с широким кругом междисциплинарных проблем, общей культуры.

Приведем в качестве иллюстрации два экспертных кейса (рис. 1, 2).

Кейс 1. Среди материалов, направленных на экспертизу, которая должна была выявить наличие/отсутствие побуждений к насильственным действиям, был представлен следующий плакат:

Текстовая часть плаката (*Русский! Помоги русскому, иначе ты будешь следующим!*) состоит из двух частей. Первая содержит обращение к адресату (*Русский!*) и побудительную конструкцию (*помоги русскому*). Вторая содержит предупреждение: *иначе* (если не поможешь. – М. Т.) *ты будешь следующим*.

Рис. 1

Интерпретация представленного здесь побуждения невозможна без учета изобразительного ряда.

Рассматриваемый плакат представляет собой контаминацию двух знаменитых плакатов советского времени. Слева на переднем плане размещено изображение женщины с ребенком на руках с военного плаката «Отомсти!». Правая часть плаката являет собой своеобразный парфраз еще более известного советского плаката «Ты записался добровольцем?».

Для удобства анализа расположим их в одном ряду.

Рис. 2

В оригинальной версии первого плаката над головой женщины находится призыв «Отомсти!», выполненный рукописным шрифтом. В рассматриваемом плакате этот призыв отсутствует, а на груди женщины появился православный крест.

Ко второму плакату отсылает расположение центральной фигуры, поза (правая рука вытянута вперед и обращена к зрителю), способ размещения текста. Однако функция основного персонажа претерпела существенные изменения. Красноармеец с плаката Д. Моора, обращаясь к зрителю с вопросом «Ты

записался добровольцем?», являет собой образец выполнения гражданского долга. Центральная фигура рассматриваемого плаката воплощает угрозу. Место красноармейца занимает мужчина, имеющий утрированно выписанные внешние приметы стереотипного еврея: крупный нос, большие уши, пейсы, Маген-Давид на груди, жилетка, ермолка, сумка с деньгами (отмечена знаком \$) на поясе. В окровавленной левой руке «еврей» держит не винтовку (как красноармеец в оригинальной версии), а голову младенца. Кровь из головы младенца стекает на православный храм, объятый пламенем.

Такое изобразительное решение обеспечивает возможность еще одного понимания второй части текста, размещенного на плакате. Фраза *Ты будешь следующим!* на фоне фразы *Ты записался добровольцем?* может быть воспринята как «прямая речь» центрального персонажа, содержащая в себе прямую угрозу русским людям.

Таким образом, наличие прецедентных фактов (плаката «Отомсти!» и плаката «Ты записался добровольцем?») обуславливает возможность неединственной интерпретации анализируемого плаката.

Текст *«Русский! Помоги русскому, иначе ты будешь следующим!»* может пониматься как побуждение и предупреждение, исходящее от автора, который предостерегает от «еврейской опасности». Этот же текст может пониматься как совмещение двух реплик, имеющих разных авторов. Первая реплика (*Русский! Помоги русскому*) в таком случае принадлежит автору плаката; вторая (*Ты будешь следующим!*) – центральному персонажу.

Изображение женщины с ребенком на руках, с одной стороны, усиливает впечатление угрозы, исходящей от «еврея», который держит в руке детскую голову; с другой, отсылая образованного зрителя к оригинальному плакату с призывом «Отомсти!», имплицитно выражает побуждение к мести.

Как следует из вышеизложенного, анализ креолизованных текстов, совмещающих в своей структуре вербальный и визуальный компоненты, требует от эксперта умения работать с семиотически негомогенными произведениями, декодирование которых осуществляется с учетом знаний о природе вербальных и невербальных семиотических систем¹.

Кейс 2. Второй сюжет связан с попыткой бизнесмена NN организовать «убийство по найму» (так называемое «заказное» убийство). NN (далее – Заказчик) нанимает исполнителя (далее – Киллер) для физического устранения конкурента. Поскольку замысел Заказчика становится известен правоохранительным органам, в роли Киллера выступает сотрудник полиции.

Эксперт располагал видео- и аудиоматериалами, содержащими записи разговоров Заказчика и Киллера. В текстах Заказчика отсутствуют прямые обозначения действия, к которому он побуждает адресата, поэтому задача эксперта состояла в том, чтобы выявить коммуникативное намерение, т. е. реконструи-

---

¹ Кстати, допустимость привлечения лингвистов-экспертов к анализу таких текстов признается не всеми специалистами, ср., например, точку зрения М. В. Горбаневского [6] и ряда дискутирующих с ним авторов [1; 2; 8].

ровать установки говорящего на основании анализа тех языковых форм и конструкций, которые он использует.

Решение подобных лингвоэкспертных задач становится возможным, с одной стороны, благодаря формированию новой теоретической парадигмы, с другой – вследствие появления новых технических возможностей для лингвистического анализа.

«В последние годы в лингвистике начинает осознаваться тот факт, что традиционное выделение лишь вербального кода как предмета интереса представляет собой ограниченный взгляд. В реальной коммуникации между людьми не существует принципиальной границы между словами, интонациями, жестами, выражениями лица и т. д. Для участников коммуникации важно, чтобы была достигнута коммуникативная цель... Естественный дискурс по своей природе мультимодален... **Программа мультимодальной лингвистики основана на обязательном исследовании всех трех основных коммуникативных каналов, характерных для реальной коммуникации – вербального, просодического и визуального**, причем для построения полной модели мультимодального дискурса анализ всех коммуникативных каналов должен быть проработан с сопоставимым уровнем подробности» [12].

Для изучения просодического канала используется программа **Speech Analyzer**, которая преобразует звуковой сигнал в графическую форму, т. е. представляет его в виде осциллограммы и тонограммы. Осциллограмма изображает преобразованный в машинную форму след, который оставляет на бумаге игла, возбужденная звуковыми волнами. Этот рисунок отражает структуру слога, паузацию, интенсивность речи и другие признаки. Тонограмма – это кривая изменения во времени частоты звука в герцах, располагающаяся под осциллограммой. С помощью тонограммы можно отчетливо увидеть, как движется тон в высказывании.

В описываемом случае было важно иметь в виду, что побудительные высказывания имеют выраженный интонационный рисунок: заметное, резкое падение тона в центре и последующее понижение тона в постцентре, уровень постцентра ниже уровня предцентра, ударный слог начинается на частоте, более высокой, чем частота предцентра. Ниже представлена осциллограмма и тонограмма высказывания *Ну то есть как бы **подумай** как²*. В этом высказывании есть форма повелительного наклонения *подумай*, и рис. 3 наглядно демонстрирует основную интенцию говорящего – волеизъявление.

Замечательно, однако, что целый ряд высказываний, которые не содержат форм повелительного наклонения (и на первый взгляд не могут быть интерпретированы как волеизъявление), просодически организован аналогичным образом, см., например, следующее: *Такая тема, как обстава под некриминал, возможна? Ну то есть упал, утонул*.

---

² Далее представлены результаты анализа, осуществленного Е. Е. Буровой в магистерской диссертации «Устная речь как объект исследования в рамках лингвистической экспертизы».

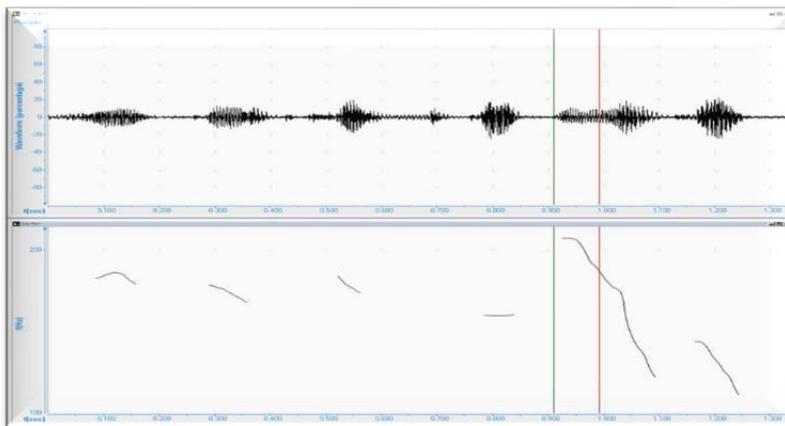

Рис. 3

Имеющийся график (рис. 4) позволяет однозначно утверждать, что формы прошедшего времени *упал*, *утонул* употреблены не для констатации факта (ср.: *Что с ним случилось? – Упал и утонул...*). Грамматическая форма здесь используется нетривиальным образом – для выражения побуждения; передаваемый смысл можно сформулировать с помощью перифразы ‘пусть он упадет и утонет’; ‘сделай так, чтобы он упал и утонул’. Говорящий может осознанно отбирать лексические единицы, избегая прямых номинаций противоправного деяния, однако интонационный рисунок «выдает» его коммуникативное намерение.

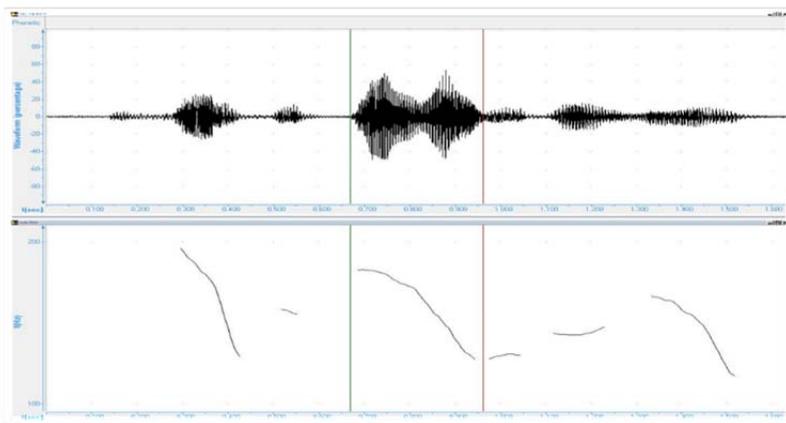

Рис. 4

Сплошной отбор высказываний, просодическая организация которых соответствует интонационной конструкции волеизъявления, позволил эксперту дополнить анализ вербальной составляющей и прийти к однозначному выводу о наличии у NN умысла на организацию заказного убийства, а также составить отчетливое представление о том, как именно оно должно было осуществиться.

Таким образом, умение работать с программами распознавания речи оказывается одним из важнейших в теоретическом и прикладном арсенале эксперта-лингвиста.

Объем статьи не позволяет продолжить перечень примеров, которые иллюстрируют востребованность самых современных теорий и методов для решения задач лингвистической экспертизы. Имеющийся опыт позволяет, однако, утверждать, что экспертная деятельность – та сфера, в которой фундаментальная наука (причем в ее высших достижениях), с одной стороны, обеспечивает возможность решения самых сложных прикладных задач, с другой – проходит постоянную верификацию и апробацию.

Таким образом, структура и содержание магистерской программы «Лингвокриминалистика» определяются, во-первых, установкой на совершенствование знаний студентов об устройстве и функционировании самых разных уровней языковой системы, а также на развитие общекультурных компетенций, позволяющих опознавать аллюзии и реминисценции, содержащиеся в авторском тексте. Во-вторых, следует иметь в виду, что для успешной экспертной деятельности специалист должен обладать разноплановыми практическими навыками, которые формируются на базе представлений об особенностях уголовного процесса, правовых основах экспертной деятельности, законах и подзаконных актах, регулирующих отношения участников уголовного процесса.

Качество подготовки обеспечивается в конечном счете сбалансированностью фундаментальных и профильных дисциплин в образовательной программе.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 592 с.
2. Баранов А. Н. Теория лингвистических экспертиз как направление прикладной лингвистики / А. Н. Баранов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды междунар. конф. «Диалог 2004». – М. : Наука, 2004. – С. 56–61.
3. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения : монография / Е. И. Галяшина ; под ред. М. В. Горбаневского. – М. : СТЭНСИ, 2003. – 236 с.
4. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-2 : Русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 8-41.
5. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1 : Проблемы и перспективы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 12-60.
6. Как лингвистическая экспертиза работает на «экстремизм» [Электронный ресурс] // Открытая Россия. – URL: <https://openrussia.org/post/view/10402/> (дата обращения: 27.08.2017).
7. Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики / Е. С. Кара-Мурза // Полит. лингвистика. – 2009. – № 1 (27). – С. 47–71.
8. Кукушкина О. В. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. – М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. – 98 с.
9. Лингвистическая экспертиза текста: проблемы, методы, результаты. Языковой портрет экстремизма : учеб. пособие / М. Б. Ташлыкова [и др.]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 263 с.

10. *Ташлыкова М. Б.* Лингвистическая экспертиза текста: проблемы, методы, результаты. 152-я статья ГК РФ под лингвистическим микроскопом : учеб. пособие / М. Б. Ташлыкова, О. Л. Михалёва, Е. В. Стародворская. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 158 с.

11. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / А. Н. Баранов [и др.] ; отв. ред. М. В. Горбаневский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Галерея, 2002. – 424 с.

12. Язык как он есть: русский мультимодальный дискурс (грант РНФ № 14-18-03819) / А. А. Кибрик [и др.] // Центр когнитивных исследований. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~ccs/ru/research/multimodal/> (дата обращения: 27.08.2017).

Forensic Linguistics as a Master's Program: in Search of an Optimal Balance between Basic and Applied Research

S. V. Malykh, M. B. Tashlykova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The freedom of legislation of subordinate entities of the Russian Federation, the growth of citizens' and private legal persons' individual social and business activity, freedom of speech in the mass media, the growing performance of extremism and other contemporary social processes have formed a situation in which the speech behavior, pattern of communication interaction and text may be a source of conflict. Highly qualified specialists capable of solving the most broad range of issues emerging in the sphere of interaction of language and law are needed for the production of linguistics expert witness of speech activity products. The training of such specialists is the purpose of the Master's program "Forensic linguistics". The paper proposes a short description of the objects of linguistics expert witness; case studies of expert witnesses based on the analysis of creolized texts and prosodic level of speech are being analyzed, the main requirements for linguistics experts are stated that determine the structure and the content of the curriculum.

Keywords: forensic linguistics, linguistics expert witness, creolized text, multimodal discourse analysis, prosodic level of spoken language.

Ташлыкова Марина Борисовна

*кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка и общего
языкознания*

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)242597
e-mail: taschlykoff@mail.ru*

Tashlykova Marina Borisovna

*Candidate of Sciences (Philology),
Associate Professor, Department of the
Russian Language and General Linguistics*

*Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)242597
e-mail: taschlykoff@mail.ru*

Малых Светлана Владимировна

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра русского языка и общего
языкознания*

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)521977
e-mail: smalykh@isu.ru*

Malykh Svetlana Vladimirovna

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of the Russian
Language and General Linguistics*

*Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)521977
e-mail: smalykh@isu.ru*